

СТРАНИЦЫ БУДУЩЕЙ КНИГИ

Материал, помещенный в данном разделе, представляет собой тезисное изложение ключевых идей, которые автор, один из крупнейших российских специалистов в области юнгианского анализа, переводчик, редактор и издатель огромного множества работ К.Г. Юнга и постюнгианцев, писатель В.В. Зеленский, положил в основу своей будущей книги «Между Прометеем и Гермесом». Иными словами, читатель имеет возможность ознакомиться с замыслом автора на этапе создания нового произведения.

Зеленский Валерий Всеволодович,
президент Фонда развития аналитической психологии в России,
директор Информационного центра психоаналитической культуры,
г. Санкт-Петербург, Россия

МЕЖДУ ПРОМЕТЕЕМ И ГЕРМЕСОМ. ВВЕДЕНИЕ

Сегодняшняя европейская и, шире, западная культура, вступила в период новых переживаний и споров касательно человеческой жизни в обществе. Рефлексия этого динамического состояния характеризуется понятием «постмодерн». Мы имеем «условия постмодерна», «проблематику постмодерна», «постмодерные дискуссии», «постмодерную установку» и ряд расширений последних. В подобной ситуации представляется важным как-то обозначить юнгианскую и постюнгианскую проблематику на пространстве постмодерна.

В этом смысле я считаю психологию Юнга, равно как и психологию многих постюнгианцев, своеобразной ответной реакцией на вызовы современности. В данном контексте я рассматриваю самого Юнга не столько в качестве теоретика и практика психотерапевтического лечения с помощью разработанной им самим аналитической модели, сколько в качестве *теоретика культуры в целом*, для которого все еще остается актуальным психотерапевтический замысел исцеления. Речь идет об исцелении конкретного человека, что в свою очередь легализует подход к проблемам более широкой коллективной культуры и указывает на известный разрыв между современными коллективными нормами, ценностями и Истинами, с одной стороны, и всем тем разнообразием идей, убеждений, чувств и переживаний, которые присущи отдельной личности, индивиду.

Размышляя о претворении психического в жизнь и расширяя теорию бессознательного на пути освоения огромной культурной и исторической сферы человеческого потенциала и психической реальности, Юнг обнаружил, что, несмотря на несколько веков «либерального» Просвещения, конкретный гражданин-субъект европейского Запада остается сознательной личностью лишь настолько, насколько господствующая культура ему это позволяет. Вместе с Фрейдом Юнг признал, что человек не является «хозяином в собственном доме», что «хозяином» оказывается его собственное бессознательное. Но здесь же обнаружились и различия во взглядах отцов глубинной психологии. Фрейд полагал, – с оттенком модернистского высокомерия – что с помощью психоаналитической техники, инсайта и проработки можно восстановить нарушенное психическое равновесие и выйти из невротического состояния. Юнг же пошел дальше и заявил, что дело не столько в том, являемся мы или не являемся хозяевами в собственном доме, сколько в том, что нам нужно что-то делать с самим домом. Общий европейский дом – культура современности – перестал ощущаться как дом. Истины, факты и ценности относительного физического, материального мира, сконструированные еще Ньютоном, истины, распространенные далее на социальный мир и на место в нем отдельного человека, перестали «работать». Юнговский эмпирический подход к бессознательному не просто открывал глаза на иррациональную природу психического, он означал и нечто большее. Он выявил существование в человеческой природе таких аспектов

души, которые в культурных условиях нового времени попросту игнорировались, полагались неуместными, первобытными, бесполезными или невыгодными. И тогда Юнг применил свое учение о психическом в качестве культурного инструмента не только в анализе человеческой души, но и в анализе всей культурной атмосферы своего времени.

Тем самым был брошен вызов отчуждающей тенденции в европейской культуре, тенденции, выражающейся в разрыве между «рациональным» и «иррациональным», между коллективным и индивидуальным, между Человеком и Природой, между психическим и материальным, между сознанием и бессознательным в самой человеческой душе.

Одной из задач настоящей работы является попытка нового прочтения идей аналитической и постаналитической психологии в приложении к современной европейской культуре, эпистемологии, политике, жизни общества и ре-позиционирования юнговского мышления в контексте, в частности, архетипической психологии, разработанной в трудах Джеймса Хиллмана. Но прежде попытаемся вкратце осветить значение психоанализа и аналитической психологии – которые я обозначаю общим термином аналитическая психология – в начале двадцатого века. И описать то, насколько, в частности, юнгианская психология отвечает условиям постмодерного существования, представив некоторых главных игроков и наиболее значимые моменты в развитии постюнгианского движения.

Начнем с того, что ницшеанская критика модернизма привела к возникновению альтернативного взгляда на социальную идеализацию таких фигур Просвещения, как Давид Юм и Адам Смит. Уверенное в собственной единственности во взгляде на человека и природу Просвещение изображает человека-субъекта также как и другие естественные явления: субъекты знают о своем бытии, равно как и обо все остальном мире через посредство ощущений. Утверждение Юма о человеке как о «пучке восприятий» принесло с собой механистический вывод о том, что человеческое поведение представляет простую ответную реакцию на аккумуляцию чувств и ощущений, конституирующих «стимул». Этот взгляд привел к появлению модели «Стимул-Реакция», которая в дальнейшем развилась в бихевиористскую теорию, составляющую основу нынешней эмпирической, экспериментальной психологии. Таким образом, позиция Юма многие десятилетия служила «официальной» точкой зрения «просвещенной» Европы. Но к концу XIX века эта точка зрения оказалась гораздо менее убедительной уже в силу того, что любой мало-мальски сведущий в вопросах основ человеческого бытия знал вполне определенно, что юмовская схематическая модель «стимул-реакция» никак не согласуется с фактами. Деконструктивная критика Ницше легализовала альтернативную позицию тех, чей опыт не соответствовал упрощенному официальному взгляду на эти явления. Но только с рождением психоанализа Фрейда эта новая перспектива обрела специфику своего языка и свою доктрину. Психоанализ Фрейда сделался своего рода наследником этой вызванной к жизни Ницше потребности европейцев, потребности ставшей в двадцатом веке настоящей и нашедшей свое воплощение в новом понимании человеческой природы равно как и в новом способе индивидуального лечения. И это понимание во многом соответствовало тогдашним противоречиям, желаниям и симптомам человеческого переживания. Если не принимать в расчет целый ряд отдельных исключений, то в целом, психоанализ оказался не столь успешным в качестве инструмента критики культуры. И вот по каким причинам.

1. С самого начала в психоанализе доминировал авторитарный стиль лидерства - древняя еврейская тема об отношениях отцов и детей. Это проявилось даже в специфике самого аналитического сеттинга – аналитик невидимый для пациента сидит, можно сказать, восседает, анализанд лежит перед ним, олицетворяя подчиненность.

2. Психоанализ как учреждение укоренился в обществе как достаточно приватная структура, избегавшая своего участия в университетских спорах по гуманитарным проблемам.

3. Психоанализ, тем не менее, стремился найти признание и поддержку в научной среде, - обрести научную форму – равно как не потерять при этом свой медицинский статус, свою терапевтическую суть, выстроенную на основе медицинской модели.

4. И как следствие предыдущей причины, психоанализ сконцентрировался исключительно на умственной патологии индивидов и на теоретизировании ограниченного лечения, цель которого, как уже упоминалось выше, выстраивалась в рамках медицинской модели. То есть, общество рассматривалось в терминах медицинской патологии.

5. По сути, психоанализ целиком признавал теорию классово́й борьбы, в которой в качестве классов выступали здоровые и больные. Отсюда, проистекает и милитаризация терминологической оснастки психоанализа. Цензура, защита, подавление, изоляция, преследование, вытеснение, агрессия, агент, тревога, бдительность, - все это понятия, заимствованные из военной лексики.

Юнг начинал свою карьеру погруженный в психиатрию значительно глубже, чем Фрейд, но после разрыва с последним, Юнг также развивал свое мышление в направлении культурных аспектов бытия. Психоанализ, обеспечивший новое появление отдельного субъекта на заре двадцатого века, сделался для Юнга своего рода средством, с помощью которого его растущий интерес в области отношений между индивидуальной психикой и коллективным психическим мог быть сформулирован и понят совершенно по-другому.

Теперь, на рубеже веков, спустя сто лет после того, как Фрейд привлек внимание публики публикацией «Толкование сновидений» (1900) – и психоанализ, и аналитическая психология повсеместно и прочно утвердились культурном сознании широкой публики и наличествуют в обсуждениях специалистов в самых разных областях гуманитарного знания. На протяжении всего периода существования обоих направлений в глубинной психологии они непрерывно подвергались самой разнообразной критике, подкрепляя тем самым убеждение в важности и значительности предложенных точек зрения для культур и обществ западного типа. Примером могут служить и страны восточного блока недавно освободившиеся от тоталитарного ига, от засилья коммунистической идеологии, - все они тотчас же проявили незаурядный интерес к глубинной психологии, начав публикации ранее запрещенных книг и приглашая к себе для обучения своих граждан западных специалистов-аналитиков равно как и самостоятельно выезжая на Запад для прохождения аналитического обучающего курса. К настоящему моменту понятия и теории, связанные с индивидуальной психологией и психотерапией стали общепризнанными и вошли в общеевропейский дискурс. Такие слова как проекция, сублимация, индивидуация, комплекс, эго, супер-эго, нарциссизм и архетип используются в качестве средства субъективного и межличностного понимания людьми с разным уровнем образования наряду со специалистами-психотерапевтами. Язык и понятия глубинной психологии при всех спорных оценках касательно ее «научной истинности» или «герменевтичности подхода» все время остаются вблизи от нас, потому что нам – на Западе или в России – остро необходим новый тип понимания нас самих в контексте идей этим же языком сформулированных. Этому отвечает и постепенное внедрение аналитической лексики в российскую университетскую среду (в широком неклиническом смысле), что еще больше углубляет культурную релевантность и прикладную значимость корпуса аналитических теорий. Разумеется, мы делаем лишь первые шаги в этом направлении, в то время как на Западе этот процесс уже вошел в стадию интеллектуальной зрелости. И речь здесь не идет о клинической подготовке студентов, а имеется в виду академическое изучение глубинно-психологических идей в гуманитарных учебных заведениях и связанные с этим ученые дискуссии наряду с изучением истории культур, социологии, антропологии. Примечательно здесь и то, что развитие этого процесса идет на фоне угасающего интереса к академической психологии, которая все еще намертво привязана к экспериментальным статистическим методам и моделям и с «мучительной педантичностью»¹, тщательно избегает психоаналитического дискурса. Но ничто не вечно под Луной: появление в гуманитарных ВУЗ'ах психоаналитических обучающих исследовательских программ по-своему симптоматично и не является одним лишь желанием не «отстать от моды». Здесь присутствуют, так сказать, своя этиология и своя телеология. В

¹ Характеристика академической психологии, данная Вильямом Джемсом. Цит. по: П. Штерн. К.Г. Юнг – непризнанный пророк.

последние годы было осознано, что психоаналитическая теория проникла в различные гуманитарные сферы, по-разному «метастазировалась» в них и была взята на службу рядом дисциплин в качестве полезного инструмента исследования.¹

Прежде всего психоаналитические идеи стали широко использоваться в культурологических исследованиях, анализе общественных и политических процессов, при изучении литературы и искусства, средств массовой информации, религиозных аспектов жизнедеятельности человека и общества. Общим моментом здесь оказалась попытка применить теории, вытекавшие из клинической работы с индивидами к обществу как целому, как социальному организму, как душевной инстанции со всеми вытекающими отсюда проблемами.

Что касается телеологического аспекта, то здесь мы наблюдаем рождение полноценного диалога между различными гуманитарными дисциплинами. Наконец-то глубинная психология получила возможность брать необходимые для своего интеллектуального роста знания не только из «клиники», но и из академического «кладезя».

Но конструктивный диалог предполагает и открытость для критики. Сегодня наряду с традиционными противниками психоаналитических идей появились критики-постмодернисты, которые рассматривают глубинную психологию как «неудачный модернистский проект», как своего рода интеллектуальную «крышу» для различного рода сексистских и расистских идеологий, выстроенных на фундаменте патриархата.

Постюнгианцы и постмодерн: нынешняя история

Отношение между Юнгом и постмодерном имеет свою историю и генеалогию, восходящую к концу шестидесятых годов, когда ряд аналитиков-постюнгианцев и теоретиков глубинной психологии начали критически пересматривать ряд положений юнгианской теории, причем, они делали это с тех позиций, которые нынче рассматриваются как постмодернистские. Для одних, этот интерес проистекал из происходивших тогда споров в социологии, антропологии, социальной философии и культурологии. Для других, отношение к Юнгу выработывалось либо с позиций структуралистской лингвистики и моделей образов, либо с точки зрения идей новой физики и биологии, с их исследованиями в области мозга, парапсихологии и различных явлений сознания. Так или иначе, но проявленный интерес в сумме дал толчок к интенсивному брожению умов, в особенности, в последнее десятилетие уходящего века. Не в последнюю очередь здесь сыграли свою роль и драматические изменения в общественной и политической жизни восточной Европы, крах коммунистического режима и гибель СССР как государства. Во всяком случае, нынче – и я надеюсь, это показать – постюнгианский локальный спор постепенно выткался в мощный потенциал, обнаруживаемый в виде серьезного воздействия на академическую и психотерапевтическую среду.

Шестидесятые годы можно считать переломными в смысле переоценки юнгианского наследия. Сам Юнг умер в 1961 году, и хотя его идеи все еще оставались незыблемыми для большинства его учеников и последователей, именно, в шестидесятые годы появилось новое поколение аналитиков и психотерапевтов, подвергших сомнению ряд юнговских понятий и положений, служивших незыблемой догмой в течение многих десятилетий. И не случайно, что в это время в США и Великобритании стали появляться институты аналитической психологии, отпочковавшиеся от единственного при жизни Юнга института в Цюрихе. Увеличилось и число молодых людей из Америки и Европы, прибывших в Цюрих для обучения аналитической психологии – многие из них вышли из радикальных движений протеста – против войны во Вьетнаме, борцов за гражданские права, за либерализацию женщин в обществе. В Европе эти молодые люди противостояли монополии традиционных социальных (буржуазных) и индивидуальных ценностей – итогом этих поисков стали события 1968 года в Париже и других городах. И не случайно, что эти подобные им радикальные движения наряду с социально-

¹ Невольно вспоминается историческая фраза Фрейда, сказанная им 30 августа 1909 года своим спутникам, Юнгу и Ференци на спуске с трапа парохода «Джорж Вашингтон», впервые привезшего их в Америку по приглашению университета Кларк в Ворчестере, фраза, ставшая крылатой: «они еще не знают, какую чуму мы им привезли».

политическими формами более привычными для общественных движений первой половины двадцатого века искали способ индивидуального выражения и через психологические формы и средства. Этот поиск личного и психологического идущего бок о бок с коллективным и общественно-политическим можно рассматривать как нечто радикальное и оригинальное для указанного периода. В России этому этапу соответствует так называемая <хрущевская оттепель> с ее литературным и культурным подъемом. Достаточно указать на песни Владимира Высоцкого, стихи Евгения Евтушенко и др., театр «На Таганке», прозу Александра Солженицына. В это же время в Москве и Ленинграде были созданы факультеты психологии.

Юнговская психология на Западе для многих связывалась с растущим интересом после Второй мировой войны к восточной философии и религии. Да и сам Юнг был тесно связан с европейской культурной и эзотерической историей, центрировавшейся вокруг немецких писателей и художников, таких как Герман Гессе, Пауль Клее, Томас Манн и Рихард Вильгельм.

Одним из американцев, бродившем по послевоенным дорогам Америки и Европы и в пятидесятые годы осевшем в Цюрихе, чтобы учиться у Юнга, был Джеймс Хиллман. Благодаря вдохновению, энергии, воле и способности артикулировать свои идеи он стал, в конце концов, основателем нового направления в постюнгианском мышлении, идейным лидером Архетипической школы глубинной психологии, которую сегодня можно рассматривать как «первенца» постмодерной юнгианской психологии.¹

Архетипическая психология является определенным отходом от Юнга, подчеркивающим и свою связь с ним, и определенную преемственность, и ориентированность на новые концептуальные рубежи.

ПСИХОЛОГИЯ БИЗНЕСА (глава из книги «Между Прометеем и Гермесом»)

Эта глава адресуется психологии бизнеса. Поскольку мне приходится писать о глубинной психологии в самых разных ее приложениях, то в данном случае я обращаюсь к бизнесу, так как считаю, что бизнес это место, которое притягивает наиболее смелые, стремящиеся испытать себя на прочность умы и где вопросы, связанные с властью, оказываются центральными. Психология бизнеса включает в себя не только самих бизнесменов, тех, кто буквально вовлечен в индустрию, промышленное дело, коммерцию и экономику. Для всех нас то или иное дело является основной причиной, заставляющей подниматься по утрам и строить ту или иную программу действий на каждый день. Следовательно, говорить о вашем дне означает говорить о ваших занятиях, о вашем деле – о бизнесе. Бизнес обеспечивает нас теми идеями, которые структурируют нашу жизнь – ее успехи, ценность, амбиции, цели. Вся драма бизнеса, его борьба, испытание на прочность, победы и поражения формируют основной миф нашей цивилизации, ту историю, которая объясняет изнанку и скрытые лежащие в основе нашего поведения смысловые пружины. То, чем мы живем в повседневной жизни, и составляет базовые идеи бизнеса – зарабатывание денег, их трата, сбережения, производство, оценка, приобретение в собственность, продажа... Возможно нам хотелось бы думать, что нашу судьбу определяет любовь или душевные страсти, или сновидения, мечты и фантазии, а достижения современной технологии и есть те подлинно образующие факторы, которые направляют нашу жизнь. Но в действительности, однако, только идеи бизнеса всегда с нами от рассвета до заката, от калитки до письменного стола.

Среди идей бизнеса «власть» правит бал, именно, она командует всем начинанием, всем предприятием. Это невидимый демон, который является источником всех наших мотиваций и выборов. Власть укрывается за нашим страхом потерять контроль и нашим желанием сохранить

¹ Подробнее о Хиллмане см.: Зеленский В.В. Предисловие в: Хиллман Дж. Самоубийство и Душа. М.: Когито, 2004.

контроль. Она предлагает самые основные и окончательные награды. Поэтому власти будет дан самый широкий простор, и к ней я буду адресоваться самыми разными путями в этой работе.

Власть старается не появляться в обнаженном виде, как таковая, но всегда норовит предстать в замаскированном виде авторитета, контролирующей организации, престижа, влияния, славы, репутации и т.д. Чтобы постигнуть полную суть власти необходимо взглядеться и понять многие ее стили, для того, чтобы узнать уникальные и специфические пути, по которым эти идеи власти действуют в нашей повседневной психологии. И хотя идеи относительно власти составляют содержание последующих страниц, власть идей есть латентное содержание всей книги как целого. Так как все мы размышляем и думаем, то здесь я предлагаю заняться не вещами или фактами, называемыми «властью», а *идеями (не мир событий, а мир слов, описывающий мир событий или мир изображений, демонстрирующих мир событий)*. Сейчас я попытаюсь объяснить, почему подобное различие крайне важно.

Массовое пришествие компьютеров началось в нашей стране в начале 90-х годов, массовое приобщение к Интернету только начинается. Телевизоров же в нашей стране уже давно больше, чем холодильников. Реальность на экране телевизора столь же виртуальна, как и реальность на мониторе компьютера, но влияние телевизионной реальности до недавнего времени обсуждали скорее на бытовом уровне, в лучшем случае, порицая недолжное содержание телепередач по аналогии с дурным влиянием на нравы бульварной литературы и сцен насилия в кино.

И только недавно в наше сознание пришло понимание того, что телевидение, составляя важную часть среды обитания, заставляет нас жить в особой, специально конструируемой социально-политической и психологической реальности. Эта реальность нигде, кроме как в телевизионном модусе, не существует и является виртуальной или психической в юнгианском смысле слова.

Влияние психической реальности прослеживается на следующем шаге. Упомянутые профессиональные соображения социологов и психологов в профанированном виде тиражируются масс-медиа, а затем причудливым образом смыкаются с тем, как **воображается** «виртуальная реальность» массовым сознанием. Как следствие, виртуальная реальность обретает модус просто реальности и уже именно как миф пропитывает жизнь образованных людей. Означаемые и означающие оказываются неразличимыми, и «денотат правит бал».

Календарь на стене, в своей власти угрожающ, он заявляет всем одно и то же, что мы живем в начале века, тысячелетия, эпохи, и научные журналы сообщают об исчезновении с лица земли огромного количества биологических форм и видов сравнимом с ледниковым периодом. Миграции, чума, захватнические разрушения и мародерство, токсичность воздуха, воды, продуктов; географические, генетические и биохимические изменения глубоко потрясли нашу веру в прогресс исторической последовательности. Все наши надежды пребывают в расстройстве и смятении; будущее неопределенно – сами идеи «прошлого» и «будущего» деконструктивны (разрушительны), так как мы не можем больше делать предсказаний из фантазий, отчетных материалов или фактов и строить воспоминания на основе истолкований. Что же мы можем дальше делать? Как же нам двигаться вперед? Какие товары являются действительно долговечными? Мир бизнеса, как часть целостного мира, чувствует эти тектонические сдвиги в своей душе и ищет подпорку для своих основных идей. Какие же идеи смогут дать возможность бизнесу удержать властную позицию, которую он до сих пор сохраняет над нашей жизнью подобно листкам отрывного календаря?

Идеи бизнеса, такие как товары, обмен, стоимость, рынок, спрос, выгода, собственность, могут оказаться изначально абстрактными в простых классификациях бартера и торговли; теперь же эти идеи укоренились в экономическом сознании как независимые сущности и выросли в огромный организм, называемый экономикой, вбирающей в себя весь мир, развитый и неразвитый, со свободным рынком и управляемый административной системой, индустриализированный и архаичный. Экономика, Бог мировой цивилизации по своему влиянию превзошла даже власть национальных идей и приоритеты национальной безопасности. Транснациональные и мультинациональные корпорации обладают большей «властью» нежели

многие национальные правительства, власть которых зависит от состояния их экономики. Бизнес, в том виде, как он представлен западным капитализмом, стал фундаментальной силой в человеческом обществе и в манере любого монотеизма провозгласил фундаменталистскую веру в свои основные догмы и принципы. Бизнес одерживает победу над всем, что попадается на его пути. Его последними врагами стали как наиболее старое и древнее: кровная месть, территориальный трайбализм (племенной строй) и удивительно повторяющаяся время от времени смертельная борьба между полами, так и неукротимые природные божества – океаны, моря, пустыни, магма земной коры и силы засухи, штормов, наводнений и дождей. Последние до сих пор оставляют бизнес в замешательстве – подрывают его устои и разрушают его энергию. Там где происходили религиозные войны, сегодня идут сражения с окружающей средой, демонстрируя, что языческие боги древней природы все еще не полностью покорены планами всемирного объединения современного бога, бога Экономики.

Экономика отличается от других мировых империй, существуя независимо от римских легионов, Варфоломеевской ночи, российского флота, КГБ, резервов центрального банка или ядерного оружия. Это власть, схожая с властью религии, интериоризовалась, вошла в плоть и кровь общественной и государственной жизни. Она управляется психологическими средствами и способами. Именно экономика определяет, кто находится в фаворе, а кто (на обочине) маргинализован, распределяя награды и наказания в виде богатства и бедности, преимуществ и неблагоприятного положения. Поскольку подобная интернализация этих идей повсеместно и вне всяких сомнений принята, то и экономика как и является тем самым местом где пребывает современное бессознательное и где наиболее необходим психологический анализ. Наша персональная жизнь больше не является средоточием бессознательного – каждая терапевтическая сессия, семейная терапия, оздоровительная группа, каждая «мыльная опера» и телепередача «Я-сама» открывают достаточно широко всякую таинственность частных страстей и болей.

В силу того, что идеи бизнеса правят миром, в особенности, те идеи, которые поддерживают его власть – а это сама идея власти – очень важно сконцентрироваться на любой психологии, которая пытается понять участников современного общества. Бизнес – это не просто фактор, некая компонента или составляющая среди других воздействующих (влияющих) на нашу жизнь. Его идеи обеспечивают те базовые хитросплетения и сюрпризы жизни, на которых завязаны все образчики нашего поведения. Мы не можем убежать от экономики. Отбросить в сторону мотивы выгоды, желание обладать, идеалы удовлетворяющей нас заработной платы и экономической справедливости, огорчения по поводу необходимости платить налоги, жалобы на инфляцию и девальвацию, стремление накопить и сохранить свои сбережения, игнорировать психопатологию коммерческих отношений, обман, «кидалово», потребление, олигархов, «пирамиды» и др. Экономика это наша современная теология, она представляет единственный эффективный синкретический культ, сохраняющийся в современном мире, единственную всемирную экуменическую веру. В качестве таковых она обеспечивает и поддерживает наш каждодневный ритуал, объединяя христиан, индуистов, мормонов, атеистов, буддистов, сикхов, адвентистов, мусульман, иудеев, фундаменталистов в общем молитвенном храме – швейцарском банке, позволяя любому из них хранить в нем свои деньги.

Поскольку бизнес осуществляет над каждым из нас такую власть, нам необходимо знать как эта власть действует. Какова ее природа? Что составляет такую власть в бизнесе, наделяющую последний подобным господством? Бизнес не имеет под рукой ни армии, ни правящего короля, которому следует повиноваться, ни тайной полиции, ни систематизированных законов или образовательных догм для передачи своего учения молодому поколению, ни конкретной политической программы или национальной партии, ни церкви, символа веры, священнослужителей или священного писания. Где же тогда лежит его власть?

Ответ может быть найден только в повсеместной распространенности его идей. Наша современная цивилизация сплочена не идеями красоты, истины, справедливости, добра или

судьбы, не общими законами, божествами, языком или общими верованиями. Универсальными в действительности являются только идеи бизнеса. И если идеи бизнеса, такие, как торговля, собственность, продукт, обмен, выгода, деньги, являются теми идеями, которые сознательно и бессознательно управляют человеческой жизнью на планете, то тогда они являются и теми идеями, которые сочетаются чтобы дать бизнесу его власть, установить (основать) его мировую империю, минуя все географические границы и таможенные барьеры. Эти идеи просачиваются вниз в каждый поступок или действие в производстве, сфере обслуживания, отбора и сохранения того, что мы совершаем. Мы все, хотим мы этого или нет, пребываем в бизнесе. Теперь мы имеем лишь один ответ на вопрос, что же составляет власть бизнеса?

Но этот ответ просит позволения на другой гораздо больший вопрос: Что такое власть? Изучение этого громадного необъятного вопроса (равного тому что есть природа, красота, душа, истина, любовь, жизнь) составляет содержание и данной работы.

Итак, прежде всего необходимо взглянуть на массив основных идей, которые покрываются термином «власть». Не легкая задача, скажем так, в виду общих сомнений по поводу изучения власти, что называется «в лоб». Физика предпочитает слова «энергия» и «сила»; логика скорее говорит о «причине» и «необходимости», психология о «динамике». Если где идеи власти и появляются, так это сфера политики и религии,- две области, которые общеизвестны своей разрушительностью в отношении к спокойному разговору, из-за той ярости, которую они способны выпустить на волю. Поскольку политика и религия это те места, где мы находим идеи власти господствующими в обсуждении и базовыми для такого обсуждения, то данная работа будет обращаться к примерам из политики и параллелям в религии. Я также буду опираться на язык людей не вовлеченных в политику или религию, как они представляют себе власть, поддерживают власть, используют власть, стремясь к ней, желая ее и страшась ее. Цель этого пролить свет разума в сферу бизнеса, чтобы семена новых идей еще больше активизировали последний. К тому же, я обращаюсь к самому бизнесу за идеями лишь слегка касающимися его власти такими как идеи «роста» и «продуктивности» и в конечном итоге, за мифами, которые бессознательно лежат в основе установок и практики в бизнесе.

Здесь можно выделить несколько направлений. Первое, важно всколыхнуть осадок привычки думать о власти как о сакральном, в особенности осадок легковесных идей, заставляющих нас верить, что мы знаем, что такое власть, верить, что ее можно взять в руки. Эти легковесные идеи суть: «Деньги это власть» или знаменитое изречение Бэкона «Знание это сила», которое нынче трансформировалось в «Информация это сила». Еще: «Политическая власть вырастает из оружейного ствола» (Мао-Цзе-Дун) и «Пушки делают нас сильными; масло делает нас только толстыми» (Германн Геринг). Есть и другие известные высказывания типа «Власть измеряется масштабом сделанной работы», «Власть продается» и предупреждения типа «Друг во власти – потерянный друг» (Генри Адамс) и обобщение из Эмерсона: «Жизнь – это поиск власти». Другая широкораспространенная традиционная мудрость заключается в том, что можно научиться властвовать в школе бизнеса, путем самообучения или в Академии Генерального штаба. Слишком легко, слишком просто.

По контрасту с этими простыми представлениями существуют и более сложные определения, предлагаемые философами, например: «Власть это (навязчивое) влечение к композиции» (Уайтхед) «Власть это продукт (порождение) преднамеренных результатов» (Б. Рассел).

Но вернемся к простым объяснениям. Как сказал Эйнштейн: «Все должно быть просто настолько это возможно, но никак не проще». Обольщение простотой искушает даже больше по мере того, как вопросы становятся сложней, так что голоса простоты предлагают умственный мир без умственных усилий. Простые идеи чувствуют себя комфортно, они не приводят к проблеме. (Подробнее см. статью Л. Гозмана и А. Эткина в журнале «Нева» за 1999 г.) Простая идея власти, любая идея, определяющая власть просто убаюкивает нас в бездейственной пассивности и поэтому в действительности истощает и подрывает власть. Разуму требуется более полезная пища и он любит большую изысканность, действуя подобно

змее или лисице, иначе он будет ослеплен самой узостью фокуса своего зрения, блокируя тем самым доступ к власти и удовольствию от обладания ею. Если же мы вначале не разберем привычные представления о власти, то вряд ли сможем с умом использовать ее. Если, например, я определяю власть просто как «контроль» то никогда не смогу (отпустить) ослабить контроль без страха потерять власть. Пойманный в ловушку этим понятием в параноидную бдительность, в соревновательное применение власти и демонстративное лидерство, я никогда не открою для себя искусную власть влияния, авторитета, великодушия, щедрости или терпеливого сопротивления. Идеи необходимо встряхивать перед тем как взглянуть на них ясным взором (перед употреблением). Так что я предлагаю нарушить равновесие.

Продумывание идеи помогает изучать ее внешние проявления. Власть выскакивает вверх подобно тостерному ломтику хлеба; власть посредничает и угощает завтраком. Есть книги власти и приливы власти, инструменты власти и рулевое колесо власти, визиты власти и капризы власти, песни власти и властные животные, например, в шаманизме. Общая идея здесь заключается в том, что власть предусматривает дифференциацию и это составляет второе направление моего замысла: различать группу идей составляющих само слово «власть» и ту нагрузку (тот багаж), которую оно несет. Например, если вы хотите сказать, что «вы хотите больше власти», то вы спрашиваете о большей жизненной энергии или же о большей возможности господствовать над беспорядочными ситуациями или же о большем признании или о более стойком долготерпении чтобы вынести свою ношу? Хотите ли вы более престижный офис и титул, должность или же стремитесь иметь более повелительный тон при принятии решений? Хотите ли вы быть лидером или отдавать приказания? Хотите быть любимым за вашу поддержку и уважение за застенчивость? Все эти идеи входят в понятие власти. В философии дифференциация явлений путем дачи им возможности беспристрастного проявления – без морализаторства, желательности или предпочтительности одной позиции над другими – называется феноменологическим методом. Здесь мы рассмотрим феноменологию идей власти.

Дифференциация стилей и видов ведет к общему расширению и увеличению личной власти. Это – еще одно направление данного исследования: расширить идею власти в область чувств, интеллекта и духа, которые выходят за пределы проявлений власти человеческой воли. Это расширение в аспектах власти обычно не рассматривается в изучении ее и нацелено предложить большие потенциальные возможности читателям.

Тот способ, который я применяю для работы над этой темой, психоаналитический, поскольку я являюсь психотерапевтом аналитического направления, точнее юнгианского. Как это принято в психоанализе мы попытаемся понять, что же скрывается за теми словами, которые побуждают меня использовать для описания тех открытий, которые проясняют саму тему власти. А также вспучивают, дифференцируют и расширяют ее. Как и в психоанализе сидя в двух креслах, - вы читатель, я автор – оба мы заняты словами и привычными бессознательными идеями и чувствами, которые они выражают. В то время пока мы разговариваем, другие неожиданные идеи и чувства возникают в нашем разуме, двигают его содержимое, и мы делаем открытия и распознаем нечто, что в свою очередь, влияет на наши действия и поступки новым и неожиданным образом после того, как мы закончим чтение и аналитическая сессия завершится.

Большинство исследований на тему психологии политики вообще, и по вопросу о психологии власти, - не говоря уже о психопатологии власти – имеют существенный изъян: в них не учитывается бессознательное, они слишком упорно полагаются на рациональные объяснения индивидуального и группового поведения и слишком мало уделяют внимания психобиологическим аспектам человеческой деятельности. Большинство психологов настолько увлечены утверждением сознания в психическом, что, как мне кажется, совсем не учитывают – не хотят – компенсаторной функции бессознательного. Всякий раз они просто забывают о том, что за нашей спиной дышит бессознательное. Но мы – вольные психопашцы – всегда обязаны помнить о его тяжелом дыхании за спиной сознания.

В своих исследованиях политики вообще и властных отношений, в частности, глубинная психология исходит из предпосылки о том, что человеческие переживания и действия определяются и мотивируются, главным образом, психическими содержаниями, которые непосредственно недоступны сознанию. Из этого положения следует, что невозможно понимать институализированные формы поведения, такие, как политика или властные отношения, без учета бессознательных психических процессов. Равно как ранее это касалось индивидуализированных форм переживания, таких как неврозы или психозы, которые оставались непонятыми без учета бессознательной динамики, лежащей в основе протекания последних.

Напомню очень кратко, что, исследуя психику своих пациентов, Юнг пришел к выводу о том, что все люди обладают схожей функцией, структурирующей психический процесс. Этот процесс имеет свою корневую систему в природе и также инстинктивен как еда, размножение и сон. Очевидная цель этого процесса внести больший смысл с помощью наложения того или иного паттерна на хаос. Такие повторяющиеся мотивы Юнг назвал архетипами. Это слово этимологически означает «первоотпечаток» или «образец». Психические архетипы, то есть, структуры, материал повседневной жизни человека, скомпонованный в определенных мотивах, придающих смысл и значение жизни. Сознание в подобной работе не участвует, оно переживает их, как если бы они появлялись из какого-то неведомого места, близость которого странным образом движет нами.

О мифе

Многие рассматривают миф как неадекватное видение и понимание природы – все то, что человечество имело до появления науки. При этом, почему то забывается, что сама наука выстроена на мифологической основе. Мифологическую основу науки составляют догматы. Первый догмат – объективность существования мира. Ученый уверен, что он добывает объективную истину о мире. Второй догмат – вера в познаваемость мира. Третий догмат – вера в то, что мир признается «логичным», при всех тех сомнениях, которые высказывают сами логики. Такие люди думают, что тайна, которую называют, скажем, гравитацией, оказывается постижимой уже потому только, что мы дали ей имя. Они убеждены, что электроны, «черные дыры», кварки обладают более объективным статусом, нежели Прометей или Чипполино. При этом забывается, что ученые, как известно, используют фикции, - модели реальности, легко вытесняемые и искореняемые другими моделями, более удобными. Зачастую, резкие скачки частных предположений и догадок, - природа любого знания субъективна – вкрадываются даже в самые «объективные» утверждения. Я все более расширяю область мифологического мышления.

Существует множество определений мифа. Бытовое, историческое, научное, социологическое, лингвистическое. Я приведу психологическое. миф, как драматизацию сознательных или бессознательных ценностей группы или индивида.

Соответственно, говоря о политике и власти в самом широком смысле мы имеем бесчисленное число ценностных коллективных драматизаций ценностей семьи, коллектива, этноса, страны. В этом смысле мы имеем и мифы власти.

Мифы власти – это произвольные утверждения, исходящие от властной структуры основанные на бессознательном психическом переживании (опыте) и драматизирующие тем или иным способом коллективные ценности общества. Есть мифы идеологического характера – нацистский, коммунистический, - основная задача которых сакрализировать власть, как носителя идеологии, воплощателя последней в жизнь. «Тяжелый крест», а соответственно, и зарплата..

Согласно Юнгу, мифы не ПРЕДСТАВЛЯЛИ, а скорее, БЫЛИ психической жизнью первобытных культур и сообществ. В известной степени, они и сейчас остаются психической коллективной жизнью общества и власти. Когда такие мотивы неожиданно обнаруживаются в ходе индивидуального или группового анализа, они передают жизненный смысл. И не просто соответствуют определенным коллективным элементам, но сами эти элементы реактивируются в душе сегодняшнего человека. Вывод Юнга был таков: предпосылки мифообразования

должны быть представлены в структуре самой психики. Именно, здесь Юнг предположил существование коллективного бессознательного или хранилища архетипических структур.

Я уже рассматривал типичные формы, связанные с властью, формы, в которых власть проявляет себя¹, а здесь я сделаю попытку продемонстрировать влияние мифов на идеи, также обнаруживающие свою властную сущность.

Рассматривая феноменологию различных проявлений власти, я старался показать, что жажда власти многогранна и что в то время, как один человек под властью понимает престиж, другой понимает под властью авторитет и влияние, а третий стремится все поставить под свой контроль. Теперь мы отойдем от типичных идей и личных пристрастий, переходя от типологии к архетипологии.

Речь идет о власти метаидей, а не идей или людей. Например, существуют нацистские, коммунистические, демократические, либеральные и др. мифы, в которых властным началом выступают не люди, а метаидеи – «нация превыше всего» или «светлое будущее всего человечества» или «прибыль любой ценой».

Прежде всего попробуем расположить паттерны власти в воображении, паттерны, предшествующие идеям и раскрываемые в идеях. Это так называемые "архаи" или «архе», что является греческим словом, обозначающим корневые принципы, основополагающие метафоры, на которых покоится все остальное, придающие типичные и устойчивые формы и стили для выражения нашего образа мышления, нашего способа чувствовать и разговаривать. Наилучшим образом эти паттерны демонстрируются с помощью мифических персонажей, поэтому (особенно в аналитической психологии) эти персонажи являются своего рода символами, употребляемыми для классификации паттернов поведения и характеристики индивидуальности в определенных системах психических координат. Линии на таких «контурных картах» можно называть архетипами, мифическими координатами, воображаемыми личностями или личностными формами. Разница заключается в том, что системы мифических координат персонифицированы. Их весьма легко найти в различных видах искусства (в драме, живописи, скульптуре, поэзии, жанрах письменной речи). Об этих образах напоминают фигуры, украшающие публичные здания в качестве богинь справедливости, разума и свободы. В метро на Владимирской площади на входе к эскалатору висит мозаичное панно центральной фигурой которого выступает огромная женщина со снопом – парафраз древнегреческой богини плодородия Деметры. Она выступает в качестве метаидеи сытости. Некогда в Риме – а, как мы знаем, римлянам было известно о власти многое – существовали статуи, святилища и места, предназначенные для жертвоприношений, в честь различных сил, влияющих на личные взаимоотношения, на политику государства и позицию граждан. Такие же святилища в честь мифических сил существовали и в древней Греции. Например, в Афинах до сих пор существуют алтари и святилища в честь Победы, Фортуны, Дружбы, Скромности, Милосердия, Мира и многих других образов. В Советском Союзе таким местом был Мавзолей Ленина.

Считалось, что эти могущественные структуры, которых люди представляли себе в виде богов и богинь, определяют важнейшие области существования человека и вселенной. Например, греческому богу Аресу (Марсу в римской мифологии), богу войны, ярости и защитнику города "принадлежало" множество мест, дней и событий, так же, как ему принадлежал боевой конь, копье и железный щит.

Его защищало боевое снаряжение и ничто не могло пробить его шлем. И сегодня Марс, Гермес и другие боги врываются в наши дома со сверкающих алтарей наших телевизионных экранов рекламными клипами и бомбардировками Грозного или Багдада, футбольными баталиями или боксерскими поединками, сезонными распродажами или «миром кожи в Сокольниках».

Марс управляет не только содержанием передач и демонстрируемыми образами, но и скоростью получения информации, когда пренебрегают деталями сообщений ради быстроты их

¹ См. Зеленский В.В. Психоаналитическое исследование власти. В: сб. Современный психоанализ. Киев. 2002, сс. 54 – 67.

передачи, когда при редактировании вырезаются целые куски текста и используются лихорадочное противопоставление, громкие аплодисменты, громогласная музыка в перерывах и постоянно ускоренная речь диск-жокея.

Весьма условно можно выделить **четыре главных направления философии и практики власти или управления (четверица Юнга символизирующая координаты власти), каждое из которых обозначалось именем бога из греческой мифологии: Зевса, Аполлона, Афины, Диониса.** Каждое из этих направлений олицетворяет специфическую культуру управляющей власти. В основе такого разделения положено ощущение того, что каждая культура или каждое божество действует, исходя из различного представления об основах власти и влияния, исходя из того, что именно служит для людей мотивом, из того, как они обучаются и мыслят, из представлений о внесении возможных изменений в жизнь. Такие допущения обуславливают совершенно разные способы руководства, властных проявлений, различные структуры, процедуры и системы вознаграждения за подчинение и служение. Для реализации различных задач необходимы различные культуры власти и различные божества.

Совершенно очевидно, что предлагаемые четыре конфигурации, не охватывают целиком всю решетку мифических координат, но среди всего многообразия возможных стилей легче всего обнаруживается стиль героический.

Посмотрите на рекламные объявления любого семинара по "Эффективному управлению". Что в них выделяется? Победа. Достижения. Умение убеждать. Сила мысли. Максимальные достижения. Искусство быть и выстоять. Умение предъявлять к себе жесткие требования, возлагать на себя обязанности и двигаться вперед. Далее дается совет с приведением примера оживляющей риторики. Вот один из таких примеров:

"Каждое утро в лесу просыпается заяц: Он знает, что должен бежать быстрее самой быстрой лисицы, иначе он будет съеден. Каждое утро в лесу просыпается лиса: она знает, что должна догнать самого медленного зайца, иначе она погибнет голодной смертью. Неважно, кто ты, заяц или лиса: но после восхода солнца будет лучше, если ты будешь бежать".

Говоря о героизме, следует учесть, что герои, подобные Гераклу, особенно уместны применительно к паттернам, характерным для наших представлений о власти. Герой не только расширяет свое королевство или империю, побеждая врагов и захватывая их владения, он не только относится ко всем встречным, как к противникам, его не только объявляют самым сильным, быстрым и ловким среди всех остальных в жизни, посвященной бесконечным состязаниям – в дзюдо или слаломе; герой, подобный Гераклу, появляется на арене как спаситель, проводящий спасательную – контртеррористическую – операцию с целью предотвратить крушение какого-либо предприятия или сохранить стабильность и порядок в стране.

Я не оцениваю эти паттерны с точки зрения "лучше – хуже", не утверждаю, что иерархический стиль Зевса или воплощенная в нынешней идеологии России вертикаль власти господина Путина являются более правильными, чем, скажем, личность бродяги, приверженца жизненного стиля Диониса. Или, если обратиться к другой паре, то здесь не утверждается, что правилен ясный формальный порядок, устанавливаемый Аполлоном, а быстрые и хитроумные решения, принимаемые Гермесом, необдуманно и безответственны.

Каждая архетипическая фигура необходима для цивилизации [или для осуществления властных полномочий], а политеистическая ментальность должна содействовать нам в одновременном признании обоих стилей, без противопоставления их друг другу. Если расширить политеистический принцип, то тогда возникающие конфликты перестанут сводиться к простому дуализму, диалектике или простой дилемме. Политеистическая перспектива всегда приводит к повышению уровня сложности и к дополнительным возможностям. Ведь каждый Бог, как говорил еще древнегреческий драматург Еврипид, «предъявляет к нам свои собственные требования, которые мы можем оплачивать только в его собственных денежных единицах – и это неопровержимый факт".

Необходимость сделать выбор среди предлагаемых фигур обуславливает появление противоречивых мыслей, заставляет противопоставлять их друг другу, разжигать между ними

боевые действия или приводит к ведению между богами судебных процессов. (Не здесь ли низкий уровень судебной культуры в России, обремененной имперским монотеизмом)

Настоящей задачей является не столько выбор одного из стилей, сколько умение ценить разнообразие. У каждой ситуации, с которой сталкивается политическая или иная власть, будет разная конфигурация; она будет предъявлять свои собственные требования, которые возможно удовлетворять только в соответствии с особенностями той мифической фигуры, которая формирует данную ситуацию. Искусство руководства превращается в психологическое восприятие, которое, в свою очередь, обретает черты мифической рефлексии – иными словами, чувствительность к мифическим корням существующих неприятностей. Какая "монета" окажется востребованной на этот раз? "Кем" в каждом случае определяются события? Какой из мифов срабатывает? Для лидерства необходимо изучение паттернов, образа действия богов, чтобы не пасть жертвой монотеистического упрощения, когда "всем годится один и тот же размер". Различия хороши и необходимы для охраны психического здоровья. Монотеизм, наличие единственного властного бога, неверен для большинства организаций".

Каким же образом мы можем распознать, какой именно паттерн доминирует в том или ином случае? Тут могут помочь три правила, которые уже давно прошли проверку в психотерапевтических кабинетах. Во-первых, следите за своим языком. Во-вторых, следите за своим настроением. В-третьих, старайтесь отслеживать ответные реакции других людей. Указанные правила требуют осознания того, что у проблем и решений имеется архетипический контекст, влияющий на риторику вашего мышления, на глубину ваших чувств и на влияние, которое вы оказываете на других людей. Архетипический контекст подобен гравитационному полю, удерживающему вас в определенном режиме, в определенной позиции, поддерживающий единство многообразия в общей истории, из которой невозможно убежать и которую греки называли сюжетом или мифом, правящим судьбой. **Проблемы и ситуации можно анализировать не только в личностном аспекте, учитывая участвующих в них людей, и систематически, учитывая действующие организации, но и архетипически, базируясь на глубинных паттернах, универсально представленных через мифы.**

Возможно, что наиболее ясно мифы можно распознавать среди наших идей, обращаясь к области научных моделей прогнозирования. В этих моделях вновь и вновь появляются группы знакомых конфигураций. Да, в футурологии господствуют современные модели мышления; да, а также она определяется опытом, полученным в прошлом; и, помимо того, не имеющей времени архаикой или основными мифическими координатами. Когда человеческий разум трудится над неведомым, каковым, несомненно, является будущее, он должен изобретать и воображать. Такая работа воображения над непознанным – например, над космическим пространством и далекими планетами, над сущностью животных, младенцев и первобытных племен, происхождением жизни и жизни после смерти – подчиняется силам, структурирующим воображение на определенные повторяющиеся паттерны, которые проецируются на исследуемое нами темное поле и которые, как нам кажется, мы видим на базе собранных нами данных. То, что мы видим, частично искажено воображением. Прогнозируя, мы проецируем. Действительно, исследования будущего часто называют "проекциями". Фактор, способствующий формированию проекций, присутствует в субъективном разуме столь же часто, как и в объективных данных, а поскольку наиболее глубоко расположенные структуры разума являются, в контексте аналитической психологии, архетипическими паттернами, которые столь регулярно и повсеместно проявляются в искусстве и мысли, в ритуалах и поведении, в сновидениях и безумии, мы с такой же степенью вероятности можем ожидать их появления и в проекциях, относящихся к будущему. Рассмотрим теперь некоторые из известных нам фантазий или архетипических сценариев.

1. Циклическое повторение – сценарии, известные нам из прошлой истории: межэтническая борьба и геноцид; "чеченизация" России; Великая Октябрьская Социалистическая революция, «Красная опасность»; Желтая Опасность; восстания рабов; борьба налогоплательщиков; советский изоляционизм; запреты; пуританство и цензура; олигархи и коррупционеры; способность природы заботиться о своем восстановлении и

обновлении (рост лесов на местах старых пожаров) в тех случаях, когда этому никто не препятствует; неисчерпаемые энергетические ресурсы. "Вечное возвращение" (Ницше). Что бы ни случилось, это будет повторением того, что уже происходило ранее. «Все было встарь, все повторится снова, и сладок нам лишь узнавание миг» (Мандельштам).

2. Мрак и Судьба. Стагнация и инфляция. Нулевой прирост производства. Постоянный высокий уровень безработицы. Аппетиты растут, а размер пирога остается неизменным; истощение ресурсов; старение населения, которое потребляет то, что зарабатывает молодежь. Растущее число больных младенцев, больных матерей и голодных детей; рост количества маргиналов (генетических мутантов, инвалидов, безграмотных, наркоманов, бездомных, безработных и т.д.). Расовое и этническое насилие. Вымирание видов. Покорный или бунтующий бюджетник. Наведение порядка через построение вертикали власти, через более строгое следование букве закона, капитализация и обуржуазивание России вследствие различий в экономическом уровне и в рождаемости, когда элита живет на охраняемых территориях, бедняки ютятся в неблагоустроенных жилищах, а количество населения, относящегося к среднему классу, незначительно. Рост числа заключенных, вооруженные охранники при школах, на вокзалах, в больницах. Коррупция государственных чиновников. Угроза глобального потепления и пандемий.

3. Фантазии, связанные с надеждой. Наступление эры Водолея. Самоопределение этнически однородных сообществ, подобных Эстонии, Чехии, Словакии, Абхазии, Чечни (попытка). Новые модели разрешения конфликтов. Посадки миллиардов деревьев на месте истребленных лесов; разработка новых биотехнологий по очистке загрязненных территорий. Расовое и половое равенство. Социальное обеспечение, хосписы, центры дневной реабилитации женщин – жертв насилия, отпуск по уходу за детьми, государственная поддержка искусства в целях духовного и социального возрождения национальных меньшинств. Борьба за мирное существование. Допущение добровольного ухода из жизни (самоубийств и эвтаназии) и свободы сексуальных отношений. Устранение всех запретов. Легализация проституции, марихуаны. Творческое обучение. Всеобщий допуск к образованию для больных и неимущих. Здравоохранение и материальное обеспечение для всех.

4. Апокалиптические катастрофы. Катастрофы на атомных электростанциях за счет человеческого фактора (Чернобыль). Необратимые вирусные и генетические мутации. Нерешенные проблемы хранения токсических отходов, приводящие к раку и эпидемической гибели биосистем. Землетрясения. Извержения вулканов. Наводнения. Джихады, религиозные распри, ведущие к возрождению нацизма. Голод как массовое бедствие. Новые болезни, например, «птичий грипп», Спид. Загрязнение атмосферы промышленными отходами. Исчезновение озона, отравление и сгорание людей в результате экологических катастроф. Гибель шахтеров в шахтах. Эпидемии как результат разрушения иммунной системы человека. Резкое снижение способности к деторождению. Широкое распространение оружия; падение правительств; ухудшение условий жизни в городах; коллапс транспортных систем в мегаполисах; похищение детей; похищение машин; террор, убийства, военные диктатуры; господство мафии. Аварии космических аппаратов и спасение из космического пространства.

5. Рациональное мироустройство. Экономическая интеграция в Европе и Северной Америке. Новые торговые соглашения и экосферы рационального производства, распределения и потребления. Сокращение и контроль производства вооружения. Усовершенствование средств транспортировки и систем связи; системное планирование финансов и технологий для решения кризисных демографических и энергетических проблем, проблем, связанных с производством продуктов питания, регулированием климатических условий, и использованием ресурсов. Генетическая инженерия, увеличение продолжительности жизни; исследования в области иммунологии; практическое использование космического пространства. Антидепрессанты, использование средств типа ПРОЗАК. Оптимистические ожидания, основанные на комплексном статистическом анализе данных. Экуменическая веротерпимость. Расширение интеграции женщин, "меньшинств", инвалидов в общество. Потребности в службах, создающих новые рабочие места. Социальная философия, а не только установление

целей рыночной экономики: образование, здравоохранение, качество жизни вместо простого потребления, производство и расширение. Реформирование средств массовой информации, отвечающих потребностям общества.

Приведенные примеры не дают исчерпывающего перечня перспективных сценариев. Более того, для каждого сценария существуют варианты позволяющие усовершенствовать их проекции в будущее или иначе, существуют направления, по которым проектируется будущее.

Расположив каждый из пяти приведенных категорий в мифических координатах, можно обнаружить, что за каждой из них скрывается некий вектор, архетипическая направляющая мысли, собирающая требующиеся ей факты и делающая заключения, которые она проецирует в соответствии со своим миропониманием.

1. Циклические повторения предполагают существование Великой Матери упадка, смерти и обновления. Возьмем, к примеру, смену времен года с сопутствующими им климатическими изменениями, фазы луны, приливы и отливы, являющиеся в нашей жизни экзистенциальными условиями.

Все повторяется, ухудшается, а затем улучшается. Циклические изменения в деловом мире являются незыблемой закономерностью, как и колебания на биржевых рынках: все, что поднимается, неизбежно должно затем понижаться, и наоборот. Эту архетипическую перспективу отражают не столько содержания прогнозов, сколько их сопоставление с предшествовавшими событиями и их неизбежным повторением. Гипотеза о Земле как живом организме является всего нынешней моделью предшествовавших анимистических представлений. Земля «дышит».

2. Мрак и Судьба. Старик Сатурн, господин отверженных, неудачников, калек; точных измерений и точных наук, таких, как математика; основоположник чеканки монет и хранитель кошельков; пожиратель собственных детей, правитель зимы, несчастья и упорного долготерпения.

3. Фантазии, связанные с надеждой.

Возможно, представление о вечной молодости ("вечное дитя" в римской мифологии), свойственное юности представление о том, что все изменится к лучшему, широкие горизонты, крылья желаний, возвышенные представления о красоте, о возможности быстрых решений. Валерий Чкалов.

4. Апокалиптические катастрофы Это миф нашей цивилизации, ибо Новый Завет завершается откровением Иоанна Богослова о всеобщей апокалиптической гибели перед вторым Пришествием Христа. Теория катастроф предлагает сокращенную формулировку этого мифа, таящегося в бессознательном желании гибели, испытываемом христианской цивилизацией. Фигура Танатоса

5. Рациональное мироустройство. Здесь не столько какой-то персонифицированный бог, сколько представление о богине Разума. Разум может проявляться в сочетании мудрых советов Афины с веселым оптимизмом ее отца Зевса (Юпитера), самодостаточность которого и вера в силу разума при преодолении всяческих препятствий служит опорой его правлению на Олимпе.

Здесь возможны самые разные толкования, выводящие нас за рамки данного рассуждения, поэтому подчеркнем главное: архетипическому мышлению не требуются тождественные уравнения, ибо оно основывается на политеистическом воображении, при котором идеи взаимосвязаны и взаимозависимы. Не существует единой абсолютной истины, абсолютной идентичности или единственного (единого) объяснения. Ценность архетипического мышления заключается вовсе не в уверенной идентификации проблем. Скорее эта ценность проявляется в том, что помогает разуму психологически осознать его установку и настроенность.

Именно такая способность составляет сущность архетипического подхода к идеям.

Чувствительность к доминантам воображения

Она показывает, что для большей объективности нам необходима высочайшая чувствительность к доминантам воображения, которые позволяют нам видеть и говорить вещи, определенные особым образом. **Если мы не будем знать, какая сила проявляется в**

той или иной идее, мы с легкостью окажемся в ее власти. Мы идентифицируем себя с этой силой, начинаем ее защищать, бороться за нее и тогда вскоре оказываемся идейными фундаменталистами, твердо в нее верящими, поскольку она "действительно справедлива". Распри между служащими компаний или разногласия между супругами отражают сражения между Богами, олимпийское могущество которых придает идеям такую убедительность. Чувство уверенности появляется из пространства, расположенного вне привычного эго, оно выражает идентификацию с силой, расположенной внутри идеи, придающей ее сторонникам чувство уверенности.

Мифы могут объяснить даже это чувство уверенности. Оно тоже исходит от Богов, как об этом свидетельствует история, случившаяся с Кассандрой. Аполлон возжелал ее и одарил даром прорицания, увлажнив своим языком ее губы. Но она отказалась удовлетворить его желание, за что и была наказана; Аполлон сопроводил свой дар проклятием: никто не будет верить ее предсказаниям, хотя Кассандра и могла точно предсказывать будущие события. Она говорила только правду, но ее сограждане, жители Трои, считали ее безумной.

Уверенность не зависит от веры других людей, ни от реальных событий, подтверждающих сказанное. Она возникает из другого источника, например, к Кассандре она пришла от Аполлона. Это ее истина, ее трагедия и возможность параноидного безумия.

Способны ли вы увидеть, как мифы усложняют проблемы, вызывают все более сильные сомнения, что заставляет разум все сильнее сомневаться даже в отношении самой уверенности?

Помимо пяти вышеперечисленных категорий, относящихся к будущему, нам необходимо учитывать фигуру, столь доминирующую в нашей сегодняшней деятельности, что кажется, будто ее власть растет скачками и рывками, а фигура эта со всей полнотой воплощена в Гермесе (Меркурии), Боге греческой и римской мифологии с волшебной палочкой, крылатыми мыслями и крыльями на ногах.

Гермес и настоящее

Кучка камней, относящаяся к доисторической эпохе, являющаяся его символом, отмечает некий край или предел. Этот Бог устанавливает границы и нарушает их, совершая путешествия между близким и далеким, знакомым и чуждым, этим миром и иными верхними и нижними. Ибо Гермес (Меркурий) является Богом сообщений, связи, коммерции, обмена, торговли. Он Бог всех и каждого на дороге между "здесь" и "там". Он также является Богом языка, толкователем невидимого, он наглый лжец, искусный ремесленник и легкомысленный вор с особым отношением к Нижнему Миру. Его прибытие мгновенно; это вспышка вдохновения; он изобретателен, хитер, это тонкий рассказчик, но связан и с фаллическим культом и оплодотворением. Являясь властителем ворот, дверей и господином открытых дорог, он дает разрешение на вход, совершает чудеса и осуществляет хитросплетения интриг.

Разве мы не живем в мире, где господствует власть такого рода? Разве не все торговцы являются должниками Гермеса? Его присутствие можно вообразить себе и в других пограничных областях. Физика высоких энергий, ускорители частиц, сверхпроводимость без трения и закон дополнительности находятся, по-видимому, в подчинении Гермеса, не подчиняясь устойчивым правилам и классическим законам Аполлона, в то время как для защиты отношений с реальным миром скорее требуется не набожное почитание Артемиды, а изобретательная хитрость Меркурия, способная изменять гены, побеждать микробы или выдумывать сексуальные приманки. Даже стратегическое планирование войн, которое, согласно классическим представлениям, относилось к области деятельности Афины, и ярость битвы зависят теперь полностью от сложных электронных систем и быстрого действия связи (а также от систем ночного видения – вспомним, что Гермес мог стремительно перемещаться под покровом ночи).

Гермес и Интернет

Мой дом устроен так, что всевозможные сообщения поступают в него даже тогда, когда я сплю. У меня есть факс, модемы, автоответчик с записью поступивших звонков, связь через

интернет, электронная почта и видеомэагнитофон с возможностью записи телевизионных передач в заданное время. Я подключен ко всему необъятному миру, могу пользоваться системой покупок по телевидению, инвестировать свои сбережения через системы коммуникации, могу использовать их для консультирования, анализа и для получения сексуальных услуг. Доступ к ним не имеет ограничений. Причем я веду относительно малоактивную жизнь, живу на окраине города и не езжу на работу. Мои друзья и коллеги, студенты и члены моей семьи разбросаны по всему миру. Но я могу ежедневно мгновенно связаться с каждым из них с помощью электронных средств связи. Отвечает за эту связь и осуществляет ее Гермес (Меркурий). Мои действия являются ритуальными; они свидетельствуют о моем признании его власти, а используемые мной электронные средства являются его святилищем, местом, где я сижу за компьютером на своем стуле.

Помимо перечисленных устройств я участвую и в других действиях, связанных с Гермесом (Меркурием). Мысленно я наблюдаю за тем, что происходит в мире, выискиваю признаки грядущих зловещих событий, нахожусь в поисках их символического смысла, занят толкованием Библии. Сегодня широкое распространение нашла манипуляция общественным мнением и политтехнологиями, заикленностью на виртуальной реальности, политики лгут и приукрашивают факты в свою пользу, превратно толкуются слова и образы, так что в итоге невозможно отличить реальность от вымысла, воспоминания от фантазий, картины от иллюзий. Я получил доступ в Интернет, научился открывать «окна» в компьютере, которые позволяют общаться везде и со всеми или ни с кем в частности. Откровенно фаллический Гермес посылает в Интернет непристойные анонимные сообщения, распространяет порнографию, а юные призрачные хакеры похищают мои мысли и вторгаются в мою личную жизнь.

Неизвестно, что нас ждет в будущем, но в настоящем все обстоит именно таким образом, поэтому необходимо осознать, что переизбыток коммуникаций может превратиться во всеобщую болезнь электронной культуры. К. Г. Юнг писал, что "Боги превратились в болезни". Они влияют на нас через наши системы, через наше поведение, через неведомые тайны, сокрушающие наши жизни.

Упомянутый переизбыток коммуникаций является делом рук Гермеса. Но потенциальная возможность явиться причиной болезни присуща любому богу; любая координата может превратиться в одержимость, когда одно единственное видение захватывает человека целиком, и он начинает монотеистически поклоняться исключительно ему, предпочитая его всему остальному.

В древней Греции Гермеса часто сопоставляли с Гестией, богиней домашнего очага, которой во всех церемониях отдавали первые почести. Ее жрицы в Риме были хранительницами соли, придающей вкус повседневности; Гестия может ловить птиц за хвост; она охраняет и пребывает в неизменности в виде только одного круглого камня, занимающего центральное место у очага, на месте огня, - она вся внутри. Гестия, сама Невинность, самодостаточная девственница; Гермес - колдун, шаман, иллюзионист, весь в движении, невидимкой пересекающий границы, преступающий пределы, повсеместно присутствующий на дорогах.

Так же, как мы являемся очевидцами того, что Гермес властвует над нашей психологией, мы обнаруживаем, что дополняющая сила Гестии вдохновляет, во-первых, идею терапии и, во-вторых, идею лидерства прислуги и обслуживающего персонала. Где та грань, за которой ваш телохранитель становится вашим тюремщиком?

Сотни тысяч, если не миллионы людей, занятых в сфере рыночной деятельности, коммуникации и торговли, связанных с путешествиями и распространением информации, в то же время защищают и сохраняют свое внутреннее тепло, используя спокойную терапию Гестии. Как Богиня внутреннего пламени, сохраняющая домашний очаг, город и жизнь каждого отдельного человека, она призывает тех, кто в наибольшей мере захвачен крыльями Меркурия, не забывать о второй половине этой пары, о необходимости, входя в терапию, оставаться в ней ради сохранения очага, часто называемого "средоточием", среди мирской суеты жизни,

посвященной Меркурию. Гестия напоминает Гермесу о том, то в одиночестве он не имеет центра притяжения и распределяется по периферии.

Современная теория лидерства обслуживающего персонала (сервиса), полагает обслуживание первостепенной формой власти, наиболее соответствующей нынешнему времени. Придавая решающее значение вслушиванию, согласию и эмпатии, **лидерство обслуживающего персонала** функционирует в виде интроверсии, посредством установления внутренней связи (от души к душе). Хотя язык и идея здесь явно изображают страдающую фигуру слуги Исаяи и Иисуса Христа, в этой школе лидерства Гестия в качестве центра предлагает глубокое интимное внимание, а не возвышение в страдании согласно христианской модели. Служение Гестии не связано со страданием. Гестия заставляет чувствовать жизнь непосредственно, не мгновениями, подобно Гермесу, а именно непосредственно, как бы все время присутствующую здесь и сейчас, конкретно, как присутствует в нашей жизни соль и огонь, постоянно, каждое мгновение, всегда находясь под рукой.

Тогда как "Я", эта личность из будущего, не пребывает в определенном месте. Мой дом не является моей крепостью; это мой офис и библиотека, и спальня, и столовая. Мой дом защищен от грабителей железной дверью, решетками на окнах, консьержкой в парадной на входе, что является реализацией фантазий вора Гермеса. Для обслуживания дома в нем не обязательно присутствие человека. Очаг является центральным отоплением. Существовать означает быть включенным, притом, что компьютер всегда включен; а все системы функционируют с помощью быстрого Гермеса.

Поскольку со своими друзьями, родственниками и коллегами я связан электронной почтой, телефоном и факсом, я могу не обращать внимания на перемещения соседей. "Я" живет повсеместно, но только не здесь.

Нельзя утверждать, что не прав Гермес, а права Гестия. Я не призываю к их примирению и уравниванию их интересов. Улучшению качества их взаимодействия может способствовать незначительное повышение роли одного и небольшое снижение роли другого. Меня интересует не столько моральная или практическая сторона вопроса, сколько психологическая, связанная с проблемой власти. Несомненно, что человек способен отличить тиранию и господство от авторитета и влияния. На первый взгляд казалось, что власть представляет собой нечто, над чем возможно установить рациональный контроль.

Но при вторичном взгляде власть представляется чем-то иным, находящимся на другом уровне. Это **власть, определяющая нашу жизнь благодаря господству над нашими представлениями о ней**. Эта перспектива показывает, что наше поведение определяется архетипическими идеями, расположенными вдоль мифических координат. Властью такого рода мы не можем распоряжаться, она отдает нас на милость богов и богинь, работающих внутри психического и действующих с помощью комплексов, симптомов, особенностей характера, инстинктов, влечений и фантазий.

Один из величайших греческих драматургов, Еврипид, сказал, что "во всем присутствуют Боги". Для меня это означает, кошку, лежащую у меня на коленях, дерево за окном, бетонные блоки, врытые в фундамент моего дома - а также метро, которое отвозит меня в центр города, и рабочее место, где я сижу. Если "Боги присутствуют во всем", то они присутствуют и в нас, в нашей внутренней работе, в наших мыслях и идеях. Мы тоже зависим от мифов, даже в том случае, если главным Богом нашего личного пантеона, которому мы сознательно предаемся в начале почти каждого произносимого нами предложения, будет эго, которое пишется с заглавной буквы, "Я".

"Я" не верит в реальность мифов, поэтому у них не может быть власти. "Я" превратилось в того моноцентрического Бога, который создает реальность, заявляя, что сотворенное им реально, формируя тем самым мир согласно собственной теологии.

Если тезис о мифических координатах имеет некоторую достоверность, то утверждения "Я" о независимости следует

рассматривать как протестные заявления. Одно "Я" боится делить власть с другими; отрицая их существование оно может заставить их исчезнуть, но тем не менее они будут

исподволь влиять на него. Даже, когда академик Гинсбург утверждает, что в Бога он не верит, он бессознательно следует правилам установленным архетипическими силами,- неважно как их при этом называть.

Здесь я исхожу из психологической, а не из религиозной точки зрения в общепринятом понимании ее как веры. К "Я" не предъявляется требование верить. Психологическое ощущение наличия сил, присутствующих в наших мыслях и действиях во всех окраинных зонах царства нашего "Я", не требует молитв, священника или священного писания, не требует и клятвенных заверений или признания вины. Психологическое ощущение их наличия состоит в простом представлении, часто примитивном и наивном, о том, что хотя воля ослабела, а сердце отчаялось, ты все же не находишься в одиночестве, не бессилен. Нечто постоянно имеет тебя в виду.

На пути десакрализации Власти

Мои нынешние рассуждения основаны на политеистическом восприятии мира. В этом смысле я невольно печалюсь, что в прарусской истории было уничтожено язычество. В язычестве тоталитаризм был бы невозможен. В политеизме утверждается, что самыми могучими силами воображения являются невидимые мифы, которые размещают наши мысли и действия в соответствии с универсальными паттернами или архетипами, как принято называть их в аналитической психологии. В нашей культуре эти доминирующие силы носят преимущественно, греческие и римские имена, а их параллели могут быть с легкостью обнаружены в иных культурах - египетской, эскимосской, славянской, полинезийской, западно-африканской или принадлежащей аборигенам Америки. Естественно, имеются определенные оттенки и отличия; боги и богини живут в различных местностях, носят различные имена, хотя часто имеют сходные облики. Для преобладающей евроцентристской культуры наиболее характерны и наиболее дифференцированы, а, следовательно, и наиболее влиятельны, греко-римские персонажи. Говоря об их преобладающем влиянии, я имею в виду их авторитетность, престижность, а также тиранию их власти. Даже если эти образы, господствующие в нашем воображении, в наших мыслях и действиях, являются полностью патриархальными и, тем самым, осуждаются как отжившие, подобно токсичным отходам использованного топлива, на которых наша цивилизация существует в течение многих тысячелетий, они служат ее корнями. И от этого невозможно уйти.

Множественность культур не может выйти из плавильного котла, который был создан бронзовой культурой Греции много столетий тому назад. Пока эта культура будет официально основываться на индоевропейских языках, правительственных и образовательных институтах, семейных структурах и образе мышления, дающих направление искусствам, наукам, религиям и природе человека, мы не сможем изменить наш разум, хотя возможно расширение сферы наших представлений, их пересмотр и переосмысление.

Обнажив корни древних представлений о власти, в соответствии с которыми мы, в основном, продолжаем жить и вести свои дела, скорее придерживаясь их, чем отбрасывая как ненужные остатки устаревшего патриархата, я пытаюсь поддержать на этих страницах те идеи, которые повсеместно дают ростки в современном обществе, идеи, связанные с представлениями о власти. В частности с властью обслуживания, которая не унижает человека и не начинается с подчинения.

Голос, раздающийся из пепла Освенцима и Трешлинка, из заснеженных могил ГУЛАГа, являющийся кульминационной точкой евроцентрированной культуры, говорит: "Миром правит власть". Но тут же мы слышим другой возразительный голос, утверждающий, что миром правит любовь. Именно поэтому каждый раз, когда власть хочет захватить абсолютное господство, мы пугаемся. В глубине души мы чувствуем, что на самом деле мир не может быть таким злобным и жестоким, что любовь, которая не выступает так явно, как власть, правит, тем не менее, всем изнутри, неприметно и исподволь. Власть может бушевать, подавлять, заключать в тюрьмы, расстреливать или сжигать в печи, но ценности сохраняет любовь. Любовь побеждает все.

Голоса, настаивающие на соперничестве между любовью и властью, принадлежат Западу, Северу, христианству и романтизму. В упрощенной форме это частично находит отражение в делении Библии на Ветхий Завет, в основе которого лежит власть, и Новый Завет, в основе которого лежит любовь. К чему может привести такое противопоставление? Только лишенная любви власть тирании и контроля и лишенная власти любовь, способная желать, но не обладающая волей для реализации своих желаний. Любовь и власть не являются противоположностями; они представляются таковыми только на основании наших представлений. Развивая те или иные идеи, перемешивая их друг с другом, мы начинаем обнаруживать потаенную благожелательность в таких, ранее представлявшихся лишенными любви составляющих власти, как честолюбие, эксгибиционизм, престижность, сопротивление и даже страх. Мы оказываемся способными понять, что уговоры, пуризм, тирания, контроль и влияние, соприкасаясь с любовью, укрепляют ее и придают ей более влиятельную силу.

Для завершения такого утомительного состязания между любовью и властью требуется сделать всего лишь один шаг, одно движение, перейдя от единственного числа к множественному. Мир не един, власть не единая идея, а любовь, являющаяся нам в тысячах обликах и под прикрытием еще большего количества масок, принадлежит всем, как, впрочем, и власть; она не поддается единому определению.

То же самое относится к бизнесу; стоит всего лишь добавить окончание "и" к слову прибыль (прибыль не только для партнеров и акционеров). Преклонение перед прибылью как однозначным понятием выгоды в денежном выражении можно несколько уменьшить, поставив целью получение других выгод: выгоды за счет увеличения продолжительности жизни, выгоды за счет радости и красоты и всеобщего блага, выгоды для духовного мира. Базовая двойная линия социальной и экологической ответственности повышает прибыльность лишь частично. Сама идея прибыльности требует плюрализации.

Введение множественного числа чрезвычайно важно. Нами преднамеренно был усложнен смысл единого термина "власть" и дано дифференцированное толкование его значения. Чтобы последующие действия были четкими, прямыми и однозначными, мышление должно быть многогранным и плюралистичным. Мысль способна включать в себя многочисленные варианты выбора, разнообразные контрастирующие значения и смыслы; она может также предвидеть следствия, обусловленные различными идеями. Если мысль слишком проста и не содержит неопределенности, она нечетко претворяется в действия. Мысли должны сопутствовать действию и, одновременно, сомнению; в противном случае сомнения аннулируют действие, ослабляя его силу и меняя его направление.

Мифы играют важную роль в усложнении мышления. В эпоху Ренессанса в Европе древние мифы возродились, а боги и богини были восстановлены в качестве доминирующих сил, влияющих на воображение и мыслительный процесс. Возрождение придало мышлению высокую степень сложности. Оно утратило однозначность благодаря появлению множества возможностей. Смысл обрел возможность расширения. Однако действие на протяжении этого периода сопровождалось решительностью и наглядностью. Смело проводились научные эксперименты, глобальные исследования, финансовые операции, а также изыскания в области искусств и всему сопутствовали парадоксальные мысли, всем управляли тонкие косвенные намеки.

Я стараюсь здесь направить обсуждение рассматриваемых проблем на *многообразное политическое видение мира*. Поскольку власть не единообразна, в ее основе не может быть заложена единая идея. В христианских и еврейских традициях существуют различные виды власти: в еврейских и греческих текстах Библии зафиксировано не менее двадцати пяти терминов ("el, zeroa, chayil, koach, izzuz, dynavis, arche, kratos" и т.д.), которые переводятся одним словом "власть". Поэтому в определенном контексте уместнее говорить о власти во множественном числе.

Вместо слова "власть" следует говорить власти, но тогда мы более не сможем обнаруживать их в одном месте, таком, например, как воля человека.

Мифы утверждают: ничто не исчезает навечно, даже то, что мы считаем неправильным и принадлежащим "истории". Концентрационные лагеря Третьяков и ГУЛАГа, этот апогей деспотической власти, существовали в воображении до того, как они были сооружены, и присутствуют там после того, как их сровняли с землей. Сталинизм как тирания был только воплощением архетипической идеи и нигде не исчез, мы носим его в своем бессознательном.

Таблица 1
Сравнение основных понятий теорий Фрейда и Юнга

ФРЕЙД	ЮНГ
Оно	Самость
Инстинкт	Архетип
Сексуальное либидо	Психическая энергия
Эдипов кризис	Миф об инцесте-возрождении
Бог-Отец	отец-бог
Бессознательная психика	Личное бессознательное (тьма)
Филогенетические схемы	Коллективное бессознательное
Толкование	Амплификация
Редуктивное	Синтетическое
Прошлые причины (этиология)	Основания будущего (телеология)
Раскрытие	Связывание, сцепление
Личная история	Личный миф
Аналитическое лечение	Аналитическое взаимоотношение
Объектные отношения	Имаго
Аналитическое лечение	Самостное исцеление
Симптомы	Указатели
Бессознательная бисексуальность	анима-анимус
Анатомия как судьба, принцип реальности	Мы в психическом в мире, а не психическое в нас

Таблица 2.

Сравнение ключевых понятий модерна и постмодерна (по Хауке)

МОДЕРН	ПОСТМОДЕРН
Истина	Перспектива-тренд-направление
Знание	Информация
Бог	Боги
Наука	Мифы
Характер-личность	Комплексы-субличности
Единство	Множество
Культура	Мультикультурализм
Нация	Мультинациональное
Война	Разрешение конфликта
Центральное	Региональное
Глобальное	Локальное
Человек	Человечество
Центр	Периферия
Рациональность	Рациональности
Объективное	Субъективное
Полное	Фрагментарное
Универсальное-Всеобщее	Индивидуальное
Абстрактное	Конкретное
Прогресс	Ностальгия
Эволюция	Регрессия
Будущее	Настоящее